

А.П. Ненароков

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ МЕНЬШЕВИКОВ

*Политические партии России: история и современность./
Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. –
М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2000. – 631 с.*

Смена курса

В рамках официальной легальности

Реализм или "революционная фантастика"?

Вне большевистского закона

После 25 октября 1917 г. все течения РСДРП(о) – и центристы, и интернационалисты, и оборонцы – были едины в том, что захват власти большевистской партией стал политическим поражением меньшевизма. Однако в объяснении его причин они расходились весьма существенно.

Для центристов главным являлись "громадные объективные препятствия для быстроты развития революции и широты ее размаха", а также "партийный раскол". Интернационалисты настаивали на том, что "не фатальное стечение обстоятельств, не одни только непреодолимые условия привели к политическому разгрому меньшевистской партии, но и политика ее руководящих верхов", которую они характеризовали как идущую вразрез с предвидениями партии, следующую за стихийным ходом развития и противоречиями революции и с опозданием регистрирующую ее этапы.

Что касается оборонцев, то те сводили основной урок "восьмимесячной революции" к необходимости встать на "единственный путь" – покончить с "т.н. интернационалистскими, а в сущности, большевистскими идеями" (возможность скорой мировой революции, отрицание потребности в национальном единстве, непризнание за российской буржуазией каких-либо способностей к революционному творчеству).

Подобный разброс мнений показателен не только как отражение многообразия бытовавших в меньшевистской среде взглядов и мнений (тем более что меньшевизм никогда не знал монолитного единства). Он знаменателен как начало организационного размежевания, завершившегося окончательным уходом из партии не только оборонцев, но и объединенных социал-демократов интернационалистов,

“новожизненцев” и других. Резко сокращалась численность партийных рядов. Ослаблялись и нарушались связи между центром и местными организациями. Падало влияние партии.

“Красный террор” и обусловленная им депрессия общества привели в дальнейшем к полному вытеснению меньшевистской партии из политической жизни страны, а затем и к ее самоликвидации. [с.323]

Смена курса

После того как Федор Дан от имени Центрального исполнительного комитета советов первого созыва сложил перед Вторым съездом [с.323] советов полномочия старого президиума, ЦК РСДРП(о) принял резолюцию, объявляющую “захват власти большевиками путем военного заговора насильем над волей демократии и узурпацией прав народа”. В качестве основной задачи момента выдвигалось “сплоченность всех пролетарских и демократических сил для предотвращения пагрома революции или полного торжества анархии и противодействия натиску контрреволюции”. Органами такого сплочения, по мнению меньшевистского руководства, должны были выступать Комитеты общественного спасения для защиты республики, сформированные из представителей городских дум, советов и прочих демократических организаций как политических, так и профессиональных и армейских. Основные лозунги – созыв Учредительного собрания и немедленное начало переговоров о заключении всеобщего мира.

Однако меньшевикам-оборонцам это решение показалось недостаточным, так что общегородское собрание в Петрограде поспешило отмежеваться от тактики ЦК. Единственно законным до Учредительного собрания признавалось правительство Керенского. Полагали необходимым создать “военно-политический центр... для решительных действий”, требовали “немедленного освобождения арестованных министров и других деятелей Временного революционного правительства и предания насильников и руководителей междоусобия революционному суду”.

В совместном заявлении фракции меньшевиков-интернационалистов Второго съезда советов и Комитета петроградской организации от 27 октября отмечалось:

“Большевики, произведя накануне съезда, по заранее разработанному плану, государственный переворот, захватили власть именем советов, лишив их тем даже возможности обсудить самостоятельно вопросы о переходе к ним власти и мирной или насильственной формах этого перехода”. Собственную позицию, занятую на Втором съезде, меньшевики-интернационалисты объясняли тем, что их предложения о немедленных переговорах со всеми революционными организациями и социалистическими партиями о выходе из кризиса посредством образования общедемократического правительства и о прекращении военных действий на время этих переговоров были проигнорированы: “Мы не могли взять на себя ответственность за этот акт гражданской войны... Мы ушли, чтобы повсюду работать во имя сплочения всей революционной демократии”.

Призыв к прекращению демократической междоусобицы и к солидарному отпору попыткам контрреволюции “использовать положение для того, чтобы потопить в крови пролетарское движение и покончить с опасно раненной революцией”, вызывал раздражение и у оборонцев, и у центристов. Ведь он, по сути, молчаливо предполагал инкорпорацию большевиков в демократический лагерь. Не случайно Скобелев счел нужным предупредить: “Надо всегда помнить твердо, что контрреволюция проходит не только в правые двери, но и в слишком левые”.

28 октября ЦК принимает решение о недопустимости каких-либо соглашений с большевиками относительно совместной с ними организации власти. Однако уже вечером того же дня начались переговоры **[с.324]** представителей общественных организаций и социалистических партий под эгидой Всероссийского исполнительного комитета союза железнодорожников (Викжель), который ультимативно потребовал прекращения гражданской войны.

В совещании участвовали представители восьми партий и девяти организаций: Викжеля, Комитета спасения (в число делегатов от Комитета входили и наблюдатели от ЦК партии народных социалистов, который “не нашел возможным делегировать своего представителя в совещание, где будут участвовать большевики”), городского самоуправления, почтово-телеграфного союза, ЦК служащих государственных учреждений,

Совета народных комиссаров, ВЦИК Советов второго созыва, центральных комитетов РСДРП(о), большевиков, эсеров, а также меньшевики-интернационалисты, объединенные социал-демократы интернационалисты, левые эсеры и др.

Мартов и Дан представляли различные грани тактической линии партии. Первый констатировал наличие тупика. С одной стороны, "власть, созданная методом вооруженного солдатского восстания, власть одной партии не может быть признана страной и демократией", а с другой – "если большевики будут побеждены силой оружия, то победитель явится третьей силой, которая раздавит всех нас". Осознание этого, сказал он, должно было лечь в основу начавшихся переговоров. Если Комитет спасения и Совет народных комиссаров согласятся на разоружение и перемирие на базе признания демократической власти (т.е. вне коалиции с представителями буржуазии), вопрос о личном и партийном ее составе станет второстепенным.

Дан, указывал на антидемократический характер переворота, счел нужным подчеркнуть, что только этим может быть объяснено одно, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство: большевистский террор еще не коснулся буржуазии, а из присутствующих уже мало кто мог быть уверенным, что не сегодня – завтра этот террор не будет обращен на него. Условиями любого соглашения с большевиками, по его мнению, могли быть только: ликвидация последствий заговора, роспуск Военно-революционного комитета, признание Второго съезда советов не состоявшимся. Дану претила мысль о вхождении в правительство большевиков, тем паче что, по его саркастическому замечанию, найти желающих сотрудничать с теми, кто несет ответственность за события последних дней, будет крайне трудно.

30 октября ЦК принимает резолюцию "О власти", фиксирующую исходную позицию партии на переговорах. Главным в ней было предложение, "ввиду отказа большевиков от соглашения и очевидной неспособности их своими силами организовать управление страной", создать Всероссийский комитет объединенной демократии, включающий в себя представителей всех социалистических партий и демократических организаций. Именно последнему предстояло, "оставаясь на почве стремления

к мирному выходу из кризиса путем соглашения с большевиками”, подготовить создание “однородной демократической власти, которая могла бы быть признана всей страной и за которой стояли бы пролетарские и демократические массы”. [с.325]

Таковы были предварительные условия переговоров, выдвинуты партийным большинством во главе с Даном. Никакой информации насчет характера прений в ЦК не сохранилось, но по одной реплик Мартова о том, что его участие в выработке резолюции не означает согласия со всеми ее положениями, можно понять, что оно было непростым.

Тональность продолжившихся под патронажем Викжеля переговоров определили вновь вспыхнувшие бои в Москве и под Царским Селом, аресты и расстрелы в Петрограде, закрытие либеральных газет и журналов. “Это не война, а безумие”, – заявил Мартов. Он призвал всех присутствующих заявить, что даже “признавая вооруженную политическую борьбу”, они “никогда не признают для себя допустимым террор и гарантируют неприкосновенность всех участвующих в переговорах”. Единогласно приняв резолюцию о прекращении террора совещание высказалось и относительно позиции меньшевистского ЦК. При этом мотивы отказа от вхождения в кабинет были охарактеризованы как не соответствующие реальному соотношению сил в стране.

Дан неохотно отступил. Он заявил, что меньшевистская партия, выступая против правительства с участием большевиков, согласна поддерживать правительство с большевистским представительством лишь “постольку, поскольку оно не будет прибегать к агрессивным мерам”. Однако это заявление не нашло понимания собравшихся. Тогда Дан согласился обсуждать персональный состав правительства, не исключая кандидатуры большевиков, и предложил партнерам по переговорам составить особую комиссию для конструирования власти. Предложение было принято без возражений.

Признав, что в создавшемся положении “все другие соображения должны отступить на задний план перед необходимостью во что бы то ни стало не допустить продолжения кровопролития, междоусобия в рабочей среде и разгрома рабочего движения”, ЦК РСДРП(о) постановил “принять участие в

попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков”.

Эта переломная для политического курса меньшевиков резолюция от 31 октября привела к резкому обострению внутрипартийных отношений. Десять членов и три кандидата в члены ЦК (как оборонцы, так и центристы), сочтя данное решение “гибельным”, подали в отставку. В этих условиях ЦК решил ускорить экстренный съезд партии, а меньшевики-оборонцы сделали шаг к организационному оформлению раскола: не отказавшись от участия в съезде, они в то же время намеревались созвать собственную конференцию.

К внутрипартийным дебатам подключился и вернувшийся с Кавказа Церетели, Отвергнув большевистский террор и большевистские декреты, он вместе с тем заявил, что “отказ от соглашения лишил бы демократию многих элементов, которые могут быть чрезвычайно полезны”. Он выдвинул формулу, которая могла бы, по его мнению, сплотить партию: “Власть однородная, демократическая, с включением социалистических партий... Не будем говорить, что большевики **[с.326]** не войдут будем и говорить – соглашение во что бы то ни стало”.

Смена партийного курса была закреплена решениями Чрезвычайного (декабрьского) съезда партии. По всем вопросам, включенным в повестку дня – о текущем моменте и задачах партии в Учредительном собрании, мире и перемирии, единстве партии, рабочем контроле, об отношении к советам, органам местного самоуправления и общественным организациям, об областной автономии, – каждое из течений представило свою точку зрения. Разногласия носили характер тактический. Наиболее резко выступали центристы, к этому времени ставшие меньшинством, и оборонцы. Однако чаще всего проходили – иногда большинством в один голос – резолюции по проектам интернационалистов.

Считая потенциал революции далеко не исчерпанными, а ее основные задачи нереализованными, Мартов так обозначил направление новой партийной политики: “Не назад от большевистского переворота к коалиции, а вперед к осуществлению намеченных, но неосуществленных задач путем

восстановления единства пролетарского движения и координации сил пролетарской и мелкобуржуазной демократии. Что же до коалиции с буржуазией, то в создавшихся условиях она возможна лишь на "трупях пролетарского движения". Именно этим он объяснял популярность лозунга "от народных социалистов до большевиков". Этим обосновывал и требование построить всю тактику партии "как длительную борьбу вокруг идеи суверенности Учредительного собрания по мере роста конфликтов внутри большевиков".

Отметив, что партийное единство может быть обеспечено только "на принципиальной основе самостоятельной классовой политики пролетариата и признания международной солидарности верховным принципом классовой борьбы", съезд объявил "единство политических выступлений представителей партии" – равно как и "единство организаций" – необходимыми условиями выполнения партией ее задач, Съезд счел абсолютно недопустимым и наказуемым любые "самостоятельные политические выступления против решений соответствующих правомочных партийных организаций". Столь суровых Дисциплинарных ограничений меньшевики никогда ранее не выдвигали.

Должны ли члены партии участвовать в работе местных советов, если те превратились в органы большевистской власти? Если да, то нужно ли входить во ВЦИК второго созыва, присоединившись к левым эсерам и объединенным социал-демократам интернационалисты и придавая ему тем самым образ многопартийной репрезентативной организации, потенциально соперничающей с Учредительным собранием? Как войти в советы, когда те грубо попирают права органов местного самоуправления? А может, лучше держаться в стороне от советов, участвуя лишь в органах местного самоуправления и Комитетах спасения? Вот наиболее болезненные и острые вопросы, стоявшие перед съездом.

Для интернационалистов советы продолжали оставаться "центрами Революционных сил демократии" и основной ареной борьбы за [с.327] реализацию их политического курса. Они доказывали необходимость участия в советах "в целях воздействия на массы, противодействия большевистской

диктатуре и проведения политики соглашения". Утверждалась недопустимость участия в боевых организациях (независимо от их политической окраски), поскольку они "стоят на почве применения военной силы и отрицательно относятся к политике соглашения внутри демократии". Что же касается ВЦИК, то интернационалисты считали участие в нем нежелательным, хотя и не исключали наступления такого момента, когда оно станет единственным "средством предупреждения катастрофического разрешения большевистского кризиса". Все эти идеи четко резюмировал Мартов; "Наша политика соглашения дает возможность безболезненного перехода от революционного периода к нормальному демократическому строю. Эта политика содействует превращению советов в органы нормального политического давления".

Именно такое понимание роли советов – как органов политического давления, а не власти – объединяло различные партийные течения. Поскольку советы становятся властью, постольку участие в них недопустимо. Вот почему в качестве основной задачи выдвигалось "сплочение сил демократии около органов самоуправления и Учредительного собрания". В то же время членов партии призывали оставаться в советах, запретив вступать в советские административные учреждения там, "где они стали органами большевистской власти". Одновременно им разрешалось участвовать в органах местного самоуправления, дабы предотвратить превращение их в инструмент большевиков или -контрреволюции. Во всех случаях исключалось любое сотрудничество в военно-революционных комитетах и комитетах спасения, "не принимающих соглашения всей демократии".

Принятие этих решений обеспечило в конечном счете объединение интернационалистов, центристов и части революционных оборонцев в новое партийное большинство. Возглавляемое Мартовым и Даном, оно призвано было добиться соглашения всей демократии и тем самым предотвратить гражданскую войну.

Разумеется, некоторые элементы этой новой политической линии были далеко не новы, Меньшевизм всегда выступал в качестве умеренного крыла российской социал-демократии. Он всегда ощущал себя ответственным за политическое воспитание

рабочих, а с начала войны и особенно революции – за экономическое положение страны и ее государственную целостность. В то же время в новом самоопределении партии содержалось много того, что с трудом принималось не только ее правым крылом, но и центристами. Это прежде всего непреклонная решимость нового большинства не быть вовлеченным в губительную братоубийственную войну против рабочего класса; готовность признать захват власти большевиками выражением настроений пролетариата (пусть и чреватых самыми серьезными последствиями); безбоязненный разрыв с теми, чье бездействие породило октябрьский взрыв.

Для многих подобная смена курса казалась абсолютно неприемлемой. 22 человека, среди них лидер оборонцев А.Н.Потресов и его сторонники, воздержались от голосования при выборах в ЦК, **[с.328]** объяснив, что делают это “ввиду того, что основные резолюции, принятые съездом, находятся в резком противоречии со всей меньшевистской тактикой”. К ним присоединился ряд видных деятелей (Г.Батурский, Б.Богданов, П.Гарви, К.Гвоздев, Л.Гольдман, К.Ермолаев, С.Зарецкая, В.Левицкий и Ф.Юдин).

28 ноября – – 6 декабря все они приняли участие в происходящем параллельно общепартийному съезду совещании оборонцев, которое определяло их позицию по обсуждаемым на съезде проблемам. В последний день своей работы совещание избрало Временное бюро оборонцев, в него вошли: Потресов, П.Маслов, Левицкий, Богданов, Юдин, Колокольников, Дементьев, Либер, Гвоздев, Батурский и др.

Фактически Временное бюро стало альтернативным избранному 7 декабря, после многочисленных фракционных совещаний и межфракционных переговоров, новому составу ЦК партии (Мартов, Дан, Горев, Церетели, Чхеидзе, Мартынов, Войтинский, Астров, Пинкевич, Семковский, Майский и др.). В обращении ЦК констатировалось: “Восстановление единства демократии предполагает тактику, не исключающую возможности соглашения с большевиками, поскольку за последними идут рабочие массы и поскольку большевики проявят готовность отказаться от антидемократической политики насилия. Признание необходимости такого соглашения вызвало заявление группы

делегатов съезда (в том числе и 10 членов бывшего ЦК) об их расхождении с большинством съезда и коллективный отказ этих членов бывшего ЦК участвовать в ответственных органах партии. Избранный на съезде новый состав ЦК не может не высказать своего сожаления по поводу того, что в наиболее тяжелой для партии обстановке, когда ей приходится быть на положении гонимой и нести все последствия отчуждения широких рабочих масс, которые надо вновь завоевывать, на другой день после политического поражения, испытанного ею на выборах (имелись в виду выборы в Учредительное собрание. – *Авт.*), видные партийные работники оставляют свои посты”.

Между тем Петроградский комитет оборонцев (ПКО) и Временное бюро поспешили довести до партии свою альтернативную точку зрения. Они также приняли решения: о выпуске специальной газеты с материалами Чрезвычайного съезда партии и специальных агитационных листовок, направили своих докладчиков в районные организации, приступили к переговорам об объединении с плехановской группой “Единство”. Комитет делегировал своих представителей во Всероссийский союз защиты Учредительного собрания. Входившие в число последних Богданов и Левицкий сформулировали основные положения резолюций Союза: “За немедленное открытие Учредительного собрания” и “против попыток запрета демонстраций в честь Учредительного собрания”. Вскоре после этого они были арестованы и помещены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где пробыли до конца января 1918 г.

ЦК в свою очередь предпринял ряд мер, направленных на преодоление раскола. Представители всех течений, в том числе и оборонческого, вовлекаются в работу различных комиссий (по внешней политике, выработке основных законопроектов, общеполитической, **[с.329]** аграрной), разрабатывавших документы для социал-демократической фракции Учредительного собрания и готовивших материалы для бюро печати. Резолюция ЦК “О защите Учредительного собрания призвала все партийные организации инициировать созыв беспартийных рабочих конференций для образования рабочих союзов или комитетов. Вслед за этим С.Ежов, по поручению ЦК, ставит на заседании Петроградского комитета оборонцев вопрос о воссоздании в столице единой организации и укреплении партийных рядов.

В ответ Бюро оборонцев предлагает ПК принять резолюцию, "которая, признавая принципиальную желательность объединения сил социал-демократии, отстаивала бы проведение его в жизнь лишь при условии единства ближайших политических задач". 31 декабря совещание представителей Бюро ЦК и КПО принимает "план ликвидации параллельных организаций и воссоздания партийного единства в Петрограде". [с.330]

В рамках официальной легальности

Тем временем руководство партии во главе с Мартовым и Даном готовилось к Учредительному собранию. В отличие от тех, кто был объявлен большевиками вне закона, меньшевики действовали легально. Их газеты, периодически закрываемые, выходили вновь и вновь, всякий раз под новыми названиями (всего к середине 1918 г. число запрещенных в центре и на местах газет социал-демократической ориентации перевалило за 60). Бюро печати ЦК готовило и рассылало на места огромное число аналитических материалов, подготовленных представителями всех течений.

Подготовка к Учредительному собранию потребовала предельной концентрации всех интеллектуальных сил партии. Катастрофически провалив выборную кампанию (в целом по стране за кандидатов от РСДРП(о) было подано немногим более 3% голосов, причем большая часть их приходилась на Закавказье), меньшевики рассчитывали хоть в какой-то мере компенсировать этот провал четкостью позиции своей немногочисленной (всего лишь 15 депутатов из 765) фракции.

В конце декабря – первых числах января состоялись заседания специальных комиссий, разрабатывавших документы, как было сказано выше, общепартийной фракции Учредительного собрания. Предложение Мартова не противопоставлять Учредительное собрание советам поддержки не получило. Верховенство власти УС не было подвергнуто ни малейшему сомнению, при этом всячески подчеркивалась важность местного самоуправления.

Предусматривалось создание органов, укрепляющих федерацию, равно как и представительство федеративных частей республики в составе центральной исполнительной власти. Учредительная власть за отдельными самоопределившимися

народами признавалась лишь с теми ограничениями, которые устанавливались всероссийской. В их число входили: запрет на восстановление монархии, на какие-либо ограничения всеобщего избирательного права, публичных прав граждан [с.330] и прав национальных меньшинств, на несоответствие регионального законодательства общероссийскому.

Все государственные, монастырские и частновладельческие, выше удвоенной трудовой нормы, земли переходили в собственность государства. Подлежащая национализации земельная площадь ограничивалась правом мелких собственников продавать свои участки органам самоуправления. Последними же определялись формы и способы землепользования. Главным в области внешней политики признавалось заключение справедливого мира.

Все эти вопросы, а также вопрос об организации специального Совета по продовольствию предполагалось поставить сразу же после открытия Учредительного собрания. С этой целью обсуждался проект Декларации фракции. В случае разгона Собрания (такого исхода никто не исключал) рекомендовалось "не призывать к восстанию, но объявить все незаконным, что исходило и исходит от народных комиссаров.

На единственном заседании Учредительного собрания от меньшевистской фракции выступили И.Г.Церетели и А.Л.Трояновский. Первый огласил Декларацию фракции, второй указал на связь международной политики с судьбой демократии в России. Разгон Учредительного собрания перечеркнул надежду использовать этот представительный орган для установления гражданского мира.

Потерпели крах и попытки сохранить органы местного самоуправления, избранные в августе – сентябре 1917 г. всеобщим, прямым и тайным голосованием и представляющие все слои населения. Большевики настаивали на том, что центральная власть не имеет права вмешиваться в действия городских дум и земских комитетов, кроме случаев нарушения ими федеральных законов. Они требовали, чтобы советы не замыкали на себе охрану общественного порядка, решение продовольственного и жилищного вопросов, дело народного образования и медицинской помощи, ибо это лишало органы

местного самоуправления возможности решать даже элементарные хозяйственные задачи и ущемляло интересы крестьянства.

На совещании представителей земств и городов (Москва, январь 1918 г.) меньшевистская фракция призвала все распущенные органы местного самоуправления не слагать своих полномочий, принимать меры к сохранению муниципального хозяйства путем передачи заведования отдельными его отраслями лицам или коллегиям, составленным из своих работников. Вместе с тем фракция выступила против использования муниципальных забастовок как метода борьбы, признав возможность лишь краткосрочных демонстративных акций протеста.

Меньшевики особо подчеркивали, как губительно для советов превращение из органов независимого рабочего представительства в органы власти. Все направления партии сходились в том, что, став органами диктатуры правящего меньшинства и выступая по отношению к рабочему классу в роли приказчиков мнимо-социалистического государства, советы начали вырождаться, по выражению К.М. Ермолаева, "в форменные живопырны" – бюрократические учреждения, захваченные партийными кликами и авантюристическими **[с.331]** бандами, самовластно, безответственно и тиранически управляющими страной.

Однако в определении вытекающих из такой эволюции практических задач они расходились. Если для нового партийного большинства советы, "несмотря на вырождение", все еще оставались "принципиальным классовым оружием пролетариата", то для оборонцев "падение роли советов в дальнейшем развитии русской революции" казалось бесспорным и главным они считали "координацию действий рабочего класса со всеми элементами общества, не исключая и буржуазии, стоящими за созыв Учредительного собрания". Когда ЦК признал целесообразным участие не только в советах вообще, но и во ВЦИК в частности (ибо это, не делая партию "соучастницей большевистской диктатуры", давало ей возможность вести "критическую и обличительную работу"), правые отказались от наметившегося было объединения партийных сил. Б.О.Богданов призвал даже

вспомнить о "ликвидаторстве", идею которого о всероссийском рабочем съезде считал вполне созвучной новым обстоятельствам. Правда, общее для всех течений меньшевизма отрицательное отношение к Брестскому миру отложило немедленное организационное оформление раскола, так что оно состоялось лишь летом 1918 г.

Чрезвычайно важным для сохранения, пусть временного и не столь уж прочного, партийного единства стала и та роль, которую и правые, и лево центристы предназначали внепартийным организациям рабочего класса: планомерно разрушаемым профессиональным союзам, отживающим страховым кассам и, прежде всего, рожденному столичным пролетариатом движению "уполномоченных фабрик и заводов". Стараясь сплотить их воедино, меньшевики подчеркивали: "Рабочие сделали огромную ошибку, что позволили в октябре превратить свои организации в органы власти. Союзам навязаны задачи департаментов. Советы превращены в полицейские учреждения, следственные комиссии. Фабрично-заводские комитеты занимаются всем, но не защитой интересов рабочих".

Зародившись из спонтанного выступления рабочих Петрограда в защиту своих экономических и политических интересов, движение уполномоченных получило организационное оформление во многом благодаря таким меньшевистским деятелям, как Богданов, Левицкий, Г.Кучин, Г.Батурский, Ю.Денике, К.Кефали и др. С начала марта его стали именовать Собранием уполномоченных. В Питере оно объединяло представителей более пяти десятков крупнейших фабрик и заводов. С середины апреля подобное движение начало оформляться в Москве и ряде других промышленных городов России.

В апреле 1918 г. ЦК РСДРП(о) постановил: принимая во внимание, что в настоящее время партия "является единственной всероссийской массовой социал-демократической рабочей партией" и что "именно она все больше и больше охватывает все рабочие организации, стоящие на почве социал-демократии", именовать ее Российской социал-демократической рабочей партией, без дополнений – меньшевиков или объединенцев.

Однако прежняя способность различных течений меньшевизм "врозь идти, но вместе бить" была утрачена. В своих представлениях [с.332] о возможных формах борьбы с большевистским экспериментом, и дальнейших перспективах развития России они расходились все дальше и дальше.

Если Дан не шел дальше требований отставки большевиков и нового созыва Учредительного собрания, то оборонцы жаждали открыли в том числе и вооруженной, борьбы с большевистской властью, повернувшей "против демократии и против рабочего движения". Их не пугали угроза возможного контрреволюционного реванша, они отказывались видеть в "большевистском солдатско-крестьянском коммунизме" даже толику чего-либо социалистического. "Мы хотим ясности от наших оппонентов, – писал Потресов. – Мы говорим им: одно из двух – или вы принимаете вместе с большевиками, что Россия совершает социалистическую революцию – пролог революции мировой, и тогда скажите это прямо, не стесняясь... Или вы этого принять – в меру своей социалистической совести – не можете". Но в последнем случае, считал он, следует признать то, что в борьбе за низвержение власти советов и восстановление демократического строя рабочему классу необходимы союзники и, стало быть, эта борьба приобретает характер общенациональной.

Общепартийное совещание меньшевиков (Москва, май 1918 г.) по настоянию лево центристского руководства фактически отвергло эти соображения. Признавая буржуазно-демократический характер российской революции, Мартов и Дан в качестве общенациональной задачи выдвинули борьбу "за возможно скорое и возможно полное уничтожение искусственного распада единого государственно-хозяйственного организма России". Квалифицируя данный распад как "результат побед империалистической реакции в мировой войне" и "непримиримого противоречия между демократической революцией и различными силами мирового империализма", они считали в данных условиях главным:

– отклонение любого расширительного толкования Брестского договора и организацию сопротивления притязаниям германского империализма,

– сплочение с этой целью всей материальной и духовной мощи страны для выступления в качестве самостоятельной силы на мировой арене,
– немедленное прекращение гражданской войны,
– ликвидацию разрушительных мнимо социалистических опытов, сохраняя при этом твердое убеждение в необходимости организации всеобщего военного обучения и вооружения народа и широкого государственного вмешательства в самые разнообразные стороны хозяйственной жизни страны.

Казалось бы, оборонцев должны были привлечь эти положения, однако этого не случилось. Они держались лозунга Либера “Мимо советов!”, не соглашались с третированием буржуазии как силы контрреволюционной и с безоговорочным осуждением “авантюристских методов борьбы с большевизмом” и “всякого вторжения, под какими бы то ни было предлогами, иностранных войск в пределы российской республики”. [с.333]

Итак, пути левоцентристского большинства и оборонческого меньшинства партии окончательно разошлись. Лидеры петроградской группы правых Потресов и В.Н.Розанов, московской – Левицкий вступили в основанный представителями кадетов, эсеров и народных социалистов Союз возрождения, ставящий своей основной целью вооруженное свержение советской власти. Их более осторожные коллеги (Г.Д.Кучин, В.И.Яхонтов и др.), формально не порывая с партийным центром, но провозгласив себя Группой борьбы за независимость и демократический строй России, выступали за более широкое, чем это предусматривалось официальными партийными документами, вовлечение пролетариата в антибольшевистскую борьбу. Учитывая резкое неприятие членами этой группы “нейтрального” как они полагали, отношения ЦК к большевикам, их именовали “активистами”.

На местах весь этот разброд привел к тому, что часть членов партии приняла участие в антисоветских мятежах. После провозглашения в Самаре власти Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) член ЦК И.М.Майский занял в нем пост министра труда. Большевики входили в состав Административного совета Временного Сибирского правительства, Уральского областного правительства,

Центрокаспия. "Активисты", вместе с членами группы "Единство", участвовали в Уфимском государственном совещании. В августе 1918 г. ЦК РСДРП официально объявил о недопустимости участия членов партии в вооруженных акциях против советской власти, равно как и в антибольшевистских правительствах, а также и о несовместимости позиции петроградской и московской групп правых с членством в партии. Однако еще до этого на РСДРП обрушились правительственные репрессии.

Еще весной, в момент проведения первых послеоктябрьских выборов в советы, большевики предприняли атаку с целью уменьшить представительство в них социалистов. В ход пошли всякого рода фальсификации, в печати развернулась подлинная травля. Например, "Правда" писала о меньшевистско-эсеровском предвыборном блоке не иначе, как о "союзе контрреволюционных агентов и убийц на службе у буржуазии".

Тем не менее социалистические партии сохранили свое представительство, более того, меньшевики вместе с эсерами получили большинство в советах Костромы, Златоуста, Ижевска, Сормова, провели 45 депутатов в Москве, 225 в Харькове, 120 в Екатеринославе и т.д. Некоторые крупные предприятия, традиционно считавшиеся бастионами большевизма (например, Карзинкинская "Большая" мануфактура в Ярославле) отдали большую часть своих голосов социал-демократическому списку. Возможно поэтому 14 июня 1918 г. в преддверии V Всероссийского съезда советов, большевики, обвинив эсеров и меньшевиков "в организации вооруженных выступлений против Рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами" стремлении "дискредитировать и низвергнуть советскую власть", привели через ВЦИК постановление об исключении их из советов уровней. **[с.334]**

В Петрограде и Москве прошли массовые аресты. Среди арестованных оказались участники движения Собрания уполномоченных фабрик и заводов, на котором ЦК РСДРП, после изгнания членов партии из советов, предложил сосредоточить все внимание. Кроме столиц это движение охватило ряд крупных городов – Тулу, Тверь, Ярославль, Коломну, Екатеринослав, Самару, Харьков, Брянск и др. 20 июля предполагалось открытие съезда уполномоченных, в порядке подготовки к нему на 2 июля

намечалась всеобщая забастовка. Аресты сорвали эти планы и знаменовали окончание этапа, когда партия шествовала в рамках официальной легальности. По оценкам левоцентристского большинства, это был период вынужденного отступления, по оценкам правых – фактическая капитуляция. [с.335]

Реализм или “революционная фантастика”?

Обострение гражданской войны и иностранная интервенция, революция в Германии и процесс международного признания большевистской власти – все это вело к дальнейшей дезинтеграции меньшевизма. Осенью 1918 г. произошло то, что предсказывали лидеры правого крыла, а именно, партийное руководство под влиянием германской революции дополнило свою оценку общего кризиса капитализма признанием неизбежности “социальной пролетарской революции”. Соответственно, и большевистский переворот признавался “исторически необходимым”, а сама русская революция, несмотря на “те или иные антипролетарские, антидемократические или анархические ее тенденции”, – “колоссальным бродилом, приводящим в движение весь мир”.

Партийное совещание (декабрь 1918 г.) решило выстраивать тактику, “беря за исходный пункт... советский строй как факт действительности, а не как принцип”. РСДРП объявило себя “политически солидарной с советским правительством, поскольку оно отстаивает освобождение территории России от иностранной, в частности союзной, оккупации и выступает против всех попыток непролетарской демократии расширить или сохранить эту оккупацию”.

Стремясь к “восстановлению революционного союза пролетариата, крестьянства и городской демократии и упрочению связи между российским и международным движением”, ЦК РСДРП еще раз открыто отвергло “всякое политическое сотрудничество с враждебными демократии классами” и отмежевалось “от участия во всех, хотя бы и демократическим флагом прикрываемых, правительственных комбинациях, которые основаны на “общенациональных” коалициях демократии с капиталистической буржуазией или на зависимости от иностранного империализма и милитаризма”.

Признав советский строй "как факт действительности", ЦК сменил требование самостоятельности местного самоуправления лозунгами независимости городских и сельских советов от партийной опеки, права свободных выборов и перевыборов их с равными возможностями для "каждой части рабочего класса и крестьянства быть в них представленными". Советам как органам представительной и [с.336] законодательной власти должна была подчиняться исполнительная власть. Как и прежде, партия выступала за отмену смертной казни" без суда и по суду, за ликвидацию чрезвычайных органов, прекращение политического и экономического террора, разорительных псевдосоциалистических экспериментов, за восстановление свободы печати, собраний, слова, союзов и коалиций.

30 ноября 1918 г. ВЦИК отменил свое решение от 11 июня в отношении меньшевиков, исходя из того, что "эта партия, по крайней мере, в лице ее руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными". Однако Мартов связывал это решение с тактическим поворотом большевиков в сторону мелкобуржуазной демократии и, прежде всего, крестьянства. Он ставил легализацию своей партии в один ряд с отказом большевиков от комбедов, признанием поражения в свирепой войне за хлеб, резким осуждением "красного террора" за рубежом, массовыми крестьянскими восстаниями, ростом дезертирства в армии. Вот почему упомянутое выше партийное совещание, приняв постановление о снятии лозунга борьбы за Учредительное собрание, отметило, что поступает согласно французской поговорке: "Нужно отступить, чтобы лучше прыгнуть".

Но прыгнуть им больше не пришлось. Большевики играли с РСДРП как кошка с мышкой. В конце марта 1919 г. началась новая волна репрессий. ВЧК открыла "охоту на социалистов", и "старые сидельцы царских казематов, борцы, всей своей жизнью, – как отмечалось в одной из листовок, – доказавшие преданность рабочему делу, вновь заполнили тюрьмы. Именно в это время начинает складываться система закрытых инструкций и циркуляров ВЧК, ставших своеобразной "правовой базой" репрессивной политики в отношении социалистов и прочих "контрреволюционеров". По установившейся практике,

закрепленной специальным циркуляром ВЧК, все осужденные за так называемые “контрреволюционные преступления” подлежали заключению, в концлагерь на срок от трех месяцев до трех лет. Типичным приговором для членов РСДРП стаю заключение в концлагерь “до конца гражданской войны”. Признавая свое полное бессилие в идейной борьбе с “ничтожной, как она выражалась, “группой меньшевиков”, – как отмечал Мартов, – правящая партия решила покончить с “легальностью” социалистических партий и вернуться к системе террора”.

24 мая ЦК заявил протест в президиум ВЦИК по поводу массовых арестов членов РСДРП, не занимающих в партии ответственных постов, но служащих в советских учреждениях. Группа партийных специалистов (среди них В. и С. Громаны, Н. Суханов, С. Либерман и др.) обратила внимание Ленина на невозможность работать в такой обстановке. В ответ Л.Б.Каменев передал руководству меньшевистской партии пожелание представить список лиц, которые могли бы занять некоторые ответственные посты в разных отраслях управления. В свою очередь ЦК, “подтверждая, что РСДРП рекомендует своим членам занятие всех тех постов в советских учреждениях, на которых они могут содействовать делу возрождения народного хозяйства и социального творчества, равно как действительно работать для **[с.336]** обороны, вместе с тем дал понять, что “не считает для себя возможным, представить... тот список кандидатов, о котором идет речь”. Отказ мотивировался тем, что “успешное участие РСДРП в общем деле спасения революции и использование для этой цели того влияния, которое она может иметь на народные массы, возможно лишь ем такого соглашения на основе *политической платформы* (выделено в документе. – Авт.), которое охватило бы всех социалистов, готовых бороться в одних рядах против контрреволюции и питающего ее развала и которое позволило бы социал-демократии разделять ответственность за общее направление политики”.

Поскольку вопрос о таком соглашении в предложении Каменева даже не ставился, то предлагаемое расширение сотрудничества должно предполагать, “во всяком случае, ликвидацию репрессий по отношению к членам РСДРП и отказ от двусмысленности в отношении советского правительства к партии, силы которой и выступления перед русским и иностранным пролетариатом

стараятся использовать, в то же время преследуя и травя ее, как внутреннего врага”.

Словно в насмешку, освобожденного в эти дни из тюрьмы Дана (врача по специальности) мобилизовали в Красную Армию и затем откомандировали в Наркомздрав, а Мартова избрали действительным членом Социалистической академии. Из партии хотели сделать “посмешище”, “ручную” оппозицию. Очевидец вспоминал, как Ленин “поиздевался” над меньшевистскими делегатами VII Всероссийского съезда советов, распорядившись разместить их в бывшей “царской” ложе Большого театра. Кстати, на этом съезде Мартов представлял социально-экономическую программу РСДРП, носившую памятное Ленину название “Что делать?”.

Опубликованная к середине июля 1919 г., она явилась своеобразным вызовом партийной программе большевиков, принятой в марте того же года. “Отстоять революцию, обеспечить ее нормальное (здоровое) развитие, которое, сливая ее в один могучий поток с революционным движением пролетариата Запада, приведет к осуществлению во все более широких размерах начал социализма в общественной жизни” – вот что меньшевики объявляли целью “всех сознательных рабочих”. Для достижения этой цели предполагалось “сохранить, Укрепить и на незыблемых основаниях утвердить политическую власть трудящихся классов в государстве и положить начало восстановлению народного хозяйства, вконец разрушенного четырьмя голами всемирной войны и добитого двумя годами войны гражданской”.

Позднее Потресов назовет эти формулировки “порождением революционной фантастики”. А предлагаемые РСДРП меры “энергичнейшей военной обороны” и проекты фундаментальных экономических реформ назовет “неправдоподобной перспективой демократизации советской деспотии с меньшевистской помощью”.

Символом веры для всего пореволюционного меньшевизма стали знаменитые “Апрельские тезисы” Мартова (1920 г.). Они были концентрированным выражением новых программных установок РСДРП. Предлагались “всем марксистским социалистическим партиям как основа для их объединенной деятельности”. Пять разделов тезисов – **[с.337]** “Социальная

революция”, “Политическая революция и диктатура пролетариата”, “Диктатура и демократия”, “Диктатура пролетариата и Советы”, “Тактика социал-демократии” – касались основных во просо” общественного развития, вытекавших из анализа мировой революционной ситуации.

Судя по тезисам Мартова, позиции меньшевиков в оценке кризиса капиталистической системы, создавшей предпосылки для социальной революции, максимально приблизились к позициям большевиков. И те, и другие признавали невозможность “восстановления истощенного войной народного хозяйства при сохранении прежних форм производства, распределения, международного обмена и международного кредита, основанных на конкуренции отдельных капиталов”. И те, и другие исходили из невозможности удовлетворить повышенные требования “революционизированных войной и ее последствиями” трудящихся масс “иначе, как путем самых глубоких вторжений в доходы класса капиталистов, ...чему препятствует зависимость государственной власти от этого класса”. Общим являлось и признание “решающим моментом” социальной революции, “показателем ее наступления и ее рычагом” “восхождения к власти трудящихся классов во главе с пролетариатом современной крупной промышленности”. Кроме того, две партии теоретически сближало признание “необходимым условием социальной революции” способности “безвластного большинства насильственно свергнуть властное меньшинство” и установить диктатуру пролетариата.

Что же их разводило? Во-первых, отрицалась большевистская интерпретация революции “как исторического события, совершающегося в течение короткого промежутка нескольких месяцев или лет и путем быстро нарастающей катастрофы, сметающей начисто одну хозяйственную форму, чтобы на месте ее поставить другую, противоположную”. В представлении меньшевиков это был “сложный и длительный исторический процесс постепенной социализации хозяйственной жизни и вытеснения капиталистических и мелкобуржуазных форм производства коллективистскими, обеспечивающими более высокое развитие производительных сил”.

Во-вторых, признавая диктатуру пролетариата как "организованное революционным государством насилие" против "эксплуатирующего народное хозяйство и паразитирующего общественных групп, удерживающих в своих руках монополию на средства производства", меньшевики настаивали на том, что она по существу своему не может быть направлена против "других слоев трудящихся масс" – пролетаризированных мелких хозяев в городе и деревне и "пролетариата умственного труда". "Понятие классовой диктатуры пролетариата, – подчеркивалось в тезисах, – не имеет, кроме имени, ничего общего с понятием единоличной или олигархической диктатуры, в том числе и диктатуры сознательного революционного меньшинства над большинством народа, хотя бы во имя интересов народа". Соответственно, отрицался террор "как метод революционной диктатуры, органически связанный со стремлением меньшинства удержать и утвердить в своих руках власть, которую еще не признает за ним трудящееся большинство". [с.338]

В-третьих, касаясь соотношения диктатуры и демократии, Мартов констатировал, что последняя – это народовластие, сведение к минимуму привилегий должностных лиц, их всеобщая выборность и подотчетность "избирающим массам, максимальное развитие самоуправления и минимализация противостоящей производителям профессиональной бюрократии – военной и гражданской, самая широкая свобода идейной борьбы и пропаганды. Попытки использовать ограничения демократии (в принципе возможные "как временные меры экономической и революционной самообороны") для "подстегивания" процесса социализации хозяйственной жизни и преодоления сопротивления классовых врагов пролетариата, ведут к "реакции в широких массах, к вырождению классовой диктатуры в диктатуру убывающего меньшинства и к расколу самого рабочего класса".

В-четвертых, формула диктатуры пролетариата на основе советской системы отвергалась в качестве "едино спасающей панацеи". [с.339]

Вне большевистского закона

Как видим, последовательно выступая против крайностей большевистских представлений о сути и темпах социалистических

преобразований, критикуя созданную после октября 1917 г. государственную систему, борясь против расширительного толкования диктатуры пролетариата и монополии РКП(б) в политической жизни страны, за политические свободы и народовластие, меньшевики пытались выступать и в качестве силы, ведущей борьбу за реалистическую классовую политику и восстановление революционного единства пролетариата.

Почему это им не удалось? Только ли из-за неприятия данной позиции правящей партией и ее лидерами? Но ведь Ленин и некоторые из его соратников, клеймя меньшевиков как "соучастников империалистического бандитизма", вынуждены были под давлением массового недовольства (которое часто принимало форму вооруженных выступлений) признать и бесперспективность "военного коммунизма", и необходимость альтернативной земельной и продовольственной политики, и угрожающую бюрократизацию партийного и государственного аппарата. В конечном счете это привело даже к постановке вопроса о необходимости коренной (правда, так и не состоявшейся) "перемены всей точки зрения на социализм", когда на черный план, по Ленину, выходили вопросы постепенного "культурничества".

Но значило ли все это, что свою роль оппозиционной партии меньшевики играли успешно? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Разумеется, партия выступала постоянным раздражителем, побуждающим большевиков обращаться к осмыслению наиболее болезненных вопросов, порожденных их собственной политикой. Однако этого для возобладания меньшевистских концепций и обеспечения единства социалистов было недостаточно. Их отказ от вооруженной борьбы с большевизмом и – пусть и относительная, условная, с множеством оговорок – поддержка победившего в 1917 г. Режима "как революционно-утопического представительства социалистического [с.339] пролетариата, поднявшегося на гребне стихийной крестьянской войны", одним представлялись пустым резонерством, другим, прежде всего большевикам, – "опасным чистоплутьством" или "злостной агитацией". Вот почему, даже заявив в момент польского наступления (как и ранее, в критические дни колчаковщины и деникинщины) о

поддержке советской власти, они по-прежнему находились под неусыпным наблюдением и постоянным прессингом ВЧК.

Специальное постановление, принятое политбюро ЦК РКП в мае 1920 г., положило конец надеждам на возобновление легальной меньшевистской печати. Согласно июньскому решению политбюро, все наркомы обязывались высылать в провинцию меньшевиков, "работающих в комиссариатах и сколько-нибудь способных играть политическую роль". Месяцем позже ВЧК получила поручение "разработать план расселения меньшевистских политических вождей для их политического обезвреживания".

Еще более жесткие методы борьбы с РСДРП практиковались на территориях, ранее находившихся под контролем антибольшевистских сил. Так, занятие Киева повлекло за собой суд над членами тамошнего меньшевистского комитета, которым вменялось абсурдное обвинение в соотрудничестве с Деникиным. А переход под власть большевиков Одессы ознаменовался поголовным арестом членов РСДРП.

Новую волну репрессий вызвали успехи меньшевиков на выборах в советы (1920 г.). В Москве разгрому подвергся Союз печатников, в котором позиции социал-демократов были традиционно сильны. Почти поголовно оказались под арестом члены партийной организации Харькова.

Постановление политбюро РКП(б) "О меньшевиках" (декабрь 1921 г.) предписывало "политической деятельности их не допускать, обратив сугубое внимание на искоренение их влияния в промышленных центрах. Самых активных высылать в административном порядке в непролетарские центры, лишив их права занимать выборные должности, вообще должности, связанные с общением с широкими массами". Через месяц, вернувшись к этому вопросу, политбюро подтвердило: "Репрессии против меньшевиков усилить и поручить нашим судам усилить их".

В связи с новой экономической политикой Ленина особенно беспокоило усиление влияния РСДРП среди молодежи. Выступление восемнадцатилетнего студента-меньшевика Л.М.Гуревича, пытавшегося, полемизируя с Троцким, трактовать ленинский термин "государственный капитализм" как признание

необходимости возврата к нормальному экономическому развитию, вызвало у Ленина гневную реакцию. "Я не сомневаюсь, – заметил он, – что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию".

В феврале 1922 г. в Москве были арестованы члены бюро Социал-демократического союза молодежи (Б.Сапир, Л.Ланде, А.Кранихфельд, И.Зуев, Е.Додонов, Е.Тихомирова и др.). В марте политбюро РКП(б) решает готовить "гласный суд над с.-д. молодежью". Лишь мужественное поведение подследственных, последовательное выполнение [с.340] ими партийных решений, предписывавших, как вести себе на трюсах, заставило Политбюро отменить свое решение и "ограничиться применением в данном случае административной ссылки".

Ленину подобное наказание показалось "явно либеральным". "За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды", – заявил он в речи на XI съезде РКП(б). А вскоре, дополняя проект Уголовного кодекса РСФСР, напишет наркомюсту; "По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу) ...ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т.п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами..." В результате в первом советском Уголовном кодексе 1922 г, появится "всеподметающая", по выражению Александра Солженицына, 58-я статья.

После арестов второй половины 1922 г. РСДРП как общероссийская организация фактически перестала существовать. Даже в губернских центрах число членов партии исчислялось единицами. Уцелевшие организации партийной работы не вели, ограничиваясь редкими и узкими по составу конспиративными совещаниями.

Большие потери понесли и центральные органы партии: летом 1920 г. за границу выехали Мартов и Р.Абрамович, в конце января 1922 г. из страны был выслан Дан. Более трети состава ЦК, избранного в мае 1918 г., по тем или иным причинам порвали с партией. В 1919 – 1922 гг. о своем выходе из ее рядов объявили Л.М.Хинчук, О.А.Ерманский. А.А.Трояновский, А.С.Мартынов, А.А.Плесков и другие, "Всеми силами большевистское

правительство стремится разгромить нашу партию и загнать в подполье те элементы, которые остались еще вне тюрем и ссылки, – указывалось в разосланном в августе 1922 г. циркулярном письме бюро ЦК. – Полицейские условия, в которых приходится сейчас работать российской социал-демократии, напоминают худшие времена царизма... Легальные возможности сократились до минимума. Центр тяжести естественно переносится в отрасли работы, требующие особого охранения”.

Переход на нелегальное положение был задним числом санкционирован совещанием местных организаций РСДРП (октябрь 1922 г.). Таким образом, в организационном отношении российская социал-демократия оказалась отброшенной на тридцать лет назад – к кружковой нелегальной работе. К концу 1923 г. на территории СССР социал-демократические организации действовали лишь в восьми городах. Последние из них были разгромлены в 1924–1925 гг., хотя бюро ЦК номинально продолжало существовать, и меньшевики время от времени напоминали о себе вплоть до конца 20-х годов.

Подводя итог своим спорам с официальным меньшевизмом, Потресов в опубликованной в Париже к десятилетию российской революции 1917 г. книге “В плену иллюзий” указал на основную причину банкротства РСДРП. Это – “пароксизм политической маниловщины, все еще принимающий большевистский эксперимент за социализм и опасющийся некоего “бонапартоподобного” переворота, словно “на стезе деспотизма после большевистского десятилетия” Должно сказать какое-либо “новое слово”. [с.341]

Один из основателей российской социал-демократии предсказывал время, “когда во всеобщем сознании России – России народны масс, и, в частности, России пролетарской, – сформулируется горестная мысль, что, отдав когда-то диктатуре свои неотчуждаемые права первородства, – права всенародной демократии, всенародны власти и контроля, – за чечевичную похлебку социальных благ коммунизма, она осталась при “разбитом корыте” неосуществленных надежд. Ни чечевичной похлебки, ни прав!” И тогда, замечал он горестно, виновными окажутся все – диктатура, правящая партия, все кто был рядом, а

заодно и те идеи и понятия, которые будут ассоциироваться с ними:

“Без вины виноватыми будут и социализм (за компанию с действительно виновным коммунизмом большевиков), и пролетариат, и даже Карл Маркс. Предубеждение испытывавшего жестокое разочарование массовика не станет разбираться в “тонкостях” идеологий, рубя с плеча, оно вместе с большевистским коммунизмом зарубит и всякое государственно-общественное регулирование производства, всякое “обобществление”. Десятилетняя практика большевистской диктатуры будет служить непререкаемым свидетельством банкротства всех осточертевших “измов”, которыми до полного обалдения насильственно пичкался несчастный народ, попавший вместо кролика под нож социального эксперимента”.

Меньшевики, оказавшиеся за пределами России, создали так называемую Заграничную делегацию во главе с Мартовым. С февраля 1921 г. в Берлине стал выходить “Социалистический вестник”, ставший вскоре центральным органом партии. Разрыв с российским рабочим движением и невозможность влиять на события внутри страны все больше сказывались на положении Заграничной делегации и характере “Социалистического вестника”.

В самой заграничной организации после смерти Мартова в 1923 г. возобладал дух нетерпимости к инакомыслию. Она все более походила на командный пункт разбитой армии. Приход к власти фашистов в Германии вынудил русских социал-демократов перебазироваться во Францию, а с началом Второй мировой войны – в США. Сохранившиеся в некоторых городах Европы и США группы РСДРП утратили политический характер.